Клара Кёрст

Кошки на обочине, или Золотые правила охоты

Клара Кёрст

Кошки на обочине, или Золотые правила охоты

«Издательские решения»

Кёрст К.

Кошки на обочине, или Золотые правила охоты / К. Кёрст — «Издательские решения»,

Рассказ о девушке, которая, вооружившись ненавистью, пыталась уничтожить своего врага, но убивала себя, пока не нашелся человек, сумевший показать, что она еще жива и может любить.

© Кёрст К.
© Издательские решения

Кошки на обочине, или Золотые правила охоты Клара Кёрст

© Клара Кёрст, 2016

ISBN 978-5-4483-0788-1
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Гата стояла у окна. Окно было маленьким и узким, чтобы ни одна вражеская стрела не смогла проникнуть в господскую башню. Мутные стекла отражали свечу, оплывшую салом на деревянном столе позади девушки. На расшатанном столе все еще стоял нетронутый обед – сморщенное зимнее яблоко, тарелка желтого пшена, черный зерновой хлеб и кусок золотистого сыра. На свое отражение Гата не смотрела, оно не интересовало ее с тех пор, как ее перестали называть медноволосой красавицей Гаторией.

Раньше, когда мать расчесывала ее медные кудри, гладила выступающие скулы и тонкие брови, наряжала ее хрупкую фигурку в зеленые или ярко-синие парчовые платья с золотыми и серебряными поясами, она чувствовала себя красивой и находила в этом радость. «Мама», – прошептала Гата, чтобы воскресить свои чувства, на мгновение ожить ими, но она ровным счетом ничего не почувствовала.

Девушка поднесла палец к закопченному стеклу и провела по нему ровным, красивым ногтем. Раздался мерзкий скрип. Гата даже не поморщилась. За окном, словно в ответ, заскрипела высокая виселица, на которой болталось высохшее тело женщины.

Гата закрыла глаза, и против ее воли в ушах заговорили, захрипели, завопили люди: «Ведьма, ведьма, ведьма!»

Разве ее мать была ведьмой? Нет, просто она не была человеком. Она любила мягкую траву, напоенную солнцем, любила высокий колокол неба, любила белые стволы берез и их высокие гибкие ветви. Она не знала злобы, ненависти, гнева. Она напевала своим чарующим голосом песни, успокаивала и врачевала раны души. Люди улыбались и кланялись ей, они целовали край ее одежд, плели ей венки, и они же, они же оказались убийцами. Убийцами ее матери. Нет, мать не была человеком или все остальные не были людьми.

Гата жила в главной башне замка, крепости в крепости, держась ото всех подальше. Здесь не было жилых комнат, лишь кладовые да запертые оружейные. Барон все-таки боялся или по крайней мере опасался ее. Гата при этой мысли слабо улыбнулась.

Где-то в отдалении запел рог, сливаясь с завываниями осеннего промозглого ветра. Гата прижалась к стеклу, ожидая, что когда мост опустится, по нему проедет он, барон замка.

Грузный, брюхастый с крепкими толстыми ногами, легко управляющий своим массивным рыцарским конем, облаченный в тяжелые доспехи, он поднял забрало. Чего ему опасаться дома?

У Гаты задрожали руки от нетерпения, она жадно вглядывалась во тьму. В стекле отразился голубой глаз, устремленный вдаль, и голубой карбункул на черной повязке, прикрывающий другой.

– Поднять мост, – пронзительно в тишине раздался голос дозорного.

Загремели цепи подъемного моста. Гата тревожно вслушивалась в трескучую музыку железа.

На мосту, тускло освещенным редкими факелами, показалась кавалькада. Барон ехал не один. Он всегда терпеть не мог одиночества, не мог вытерпеть себя сам. Барон по прозвищу Крат слыл одним из самых отвратительных и безжалостных наемников. Он не гну-

шался любой работой, выполняя ее исполнительно и дотошно, до последней женщины, до нерожденного ребенка. Король хоть и морщился иногда от гадливости, но такие люди как барон были ему необходимыми. Кто-то ведь должен доходить до конца, если он не хочет или не может.

Цокот копыт, тяжелый звук опускающейся решетки, громкие приветствия слуг и вульгарный смех барона, предвкушавшего после тяжелого пути отдых и еду. «Хозяин в замке. Крыса в ловушке», – с этой мыслью в голове у девушки прояснилось.

Гата отошла от окна и присела на скамью. Она сидела с прямой спиной и ждала гонга, возвещающего, что ужин готов, и что обитателям замка пора развлекать гостей.

Дождавшись звука, мягкими волнами, достигшими ее ушей, она поднялась. Надев на свои руки перчатки, прячущие ее уродство (на левой руке у нее не было пальцев), она осмотрела свое платье в отражении, проверяя в порядке ли ее наряд. Завернутая в гофрированное серое платье с простым желтым узором, Гата была похожа на бабочку приколотую иглой к картонке. Она, как сумела, спеленала желтой лентой волосы в толстую косу, но непослушные медные кудри то и дело выбивались из прически.

Сжав рукой юбку, девушка спустилась по узким лестницам и через окованную дверь проникла в коридоры замка. В донжоне было сухо, по углам висела паутина с огромными пауками, а в замке по стенам сочилась вода, и руки, прикасаясь к ней, скользили.

Когда Гата вошла в зал, пиршество было в самом разгаре, барон повелительно указал жирным пальцем на стул подле него. Главный стол, покрытый белоснежной узорчатой скатертью, был длинный, от него ножками буквы «П» отходили более худосочные столы. Там обычно сидели клирики, случайные путники, скороходы и прочий бродяжий люд. Те, кого барон выделял лично, сидели за главным столом. Гате всегда за ним находилось место. Слева барон сажал свою жену, Клариссу, худую женщину с впавшей грудью и лихорадочным румянцем, сегодня выглядывающую из шелкового красного платья, отороченного мехом. На ее мышиных волосах сиял серебряный обруч, на поясе сверкали алмазы и изумруды, а длинные рукава платья то и дело мешали попыткам дотянутся до очередного блюда (она много не могла есть, но от всего ей нужно было отщипнуть кусочек). А справа от себя барон по праву опекуна держал Гату, он опекал ее и ее обширные земли. Остальные рыцари приветствовали Гату поднятыми бокалами (барон знаком показал, чтобы те не вставали, да и не так-то это было и просто, встать отяжелевшим и осоловевшим из стола, отодвинув тяжелый стул). Только двое или трое поднялись со своих мест, как того требовали приличия при появлении дамы. По этикету девушка должна была поклониться им, слегка опустив голову. Гата опустила голову, но, казалось, только для того, чтобы посмотреть наступает ли она на хвосты огромным мастиффам, дежурившим под столом.

Подошел прислужник с тазом для умывания и полотенцем, Гата отослала его, обнаруживать уродство перед гостями барона было не в ее правилах.

Девушка с высокомерной близорукостью оглядела присутствующих, освещенных свечами, выстроившимися в круг на канделябре. Она могла видеть лишь туманные очертания фигур, слышать громкие голоса, улавливать запахи жареного мяса. Ненавистный ей запах копченой плоти!

Барон жадно кусал мясо жареного оленя, капли горячего перцевого соуса падали на подбородок и густую бороду, он вытирал его рукавами. В эту минуту чувство ненависти к нему у Гаты было разбавлено презрением, растоптано омерзением. Эта свинья, сидевшая рядом с ней, барон, как его звали с ухмылкой слуги, был бастардом, сыном кухарки. И только потому что у его отца не было других детей, барон унаследовал замок. Ублюдок до того не любил своего отца, что после его смерти повесил все фамильные портреты в уборную. Сенешаль распорядился о жареных павлинах и лебедях, а стольник о меде, пиве и вине.

Барон махнул рукой, сверкающей от жира и драгоценных камней, менестрелю. В руках музыканта жалобно содрогнулась струнами лютня. Его голос печальный, исполненный вечной, не убывающей грусти, пел:

На далеких лугах, в далеких морях,
Жили великаны в великих краях.
Они играли камнями, не знали слов,
Жили в мире с людьми, имели улов.
Так долго длилось, бежали дни,
Пока однажды они не ушли,
Сном вечным забыться пришла им пора,
И они навечно закрыли глаза.
И только ресницы сомкнули они,
Как пуганой стаей взлетели орлы,
Их гнал ветер и извечный враг
Племя драконов усилило шаг.
Драконы поселились в южных горах,
Свили гнездо и посеяли мрак,
Жрали людей, крали скот,
Люди пытались уйти от невзгод:
Разбудить великанов, заставить уйти
Крылатых тварей, прогнать с их земли,
Ведь нет им жизни, нет счастливых забот,
Пока в горах, над морем, сидит Ламот.
Ламот вкушает, Ламот хрустит
Костями, мясом и жилами их
И нет им спасенья, нет жертвам числа,
Великаны, о великаны, проснитесь от сна!

Гата, забывшись, с блаженной улыбкой слушала песню, и отстукивала такт, едва прикасаясь к скатерти костяной ручкой острого ножа.

– А что у вас правда есть дракон? – откинувшись на стуле, спросил гость барона с гладко выбритым лицом (один из тех, чье воспитание оказалось тяжеловеснее съеденной пищи), когда песня закончилась.

– Брехня старых слуг, там течение и острые камни, вот тебе и дракон, – сиплым голосом от пойла, которое называли в его замке приличной выпивкой, сказал барон.

– О, у нас есть и почище драконов, ведьмы, например, – елейным голосом произнесла баронесса, поглядывая с удовольствием на худощавого гостя, вызывая его внимание на себя. А привлекать Лура было из-за чего – волосы у него были зачесаны назад, обнажая глубокие височные впадины, длинный нос с горбинкой, вжавшиеся узкие ноздри и длинные рот над крепким подбородком.

Клариссе было не больше 30 лет, но она так ссохлась, законсервировалась болезнью, что теперь не могла ни стареть, ни выглядеть моложе. Ее глаза, обращенные к Луру, были как у голодной кошки, выпрашивающей кусок мяса.

Барон метнул яростный взгляд на жену. Гата плотно прижалась к спинке стула, чтобы найти твердую опору. Она отставила руку с ножом острием вверх. Кончик ножа дрожал.

Лур вытянул свои длинные ноги и, подняв голову с длинным носом, тонкими губами улыбался.

– Ведьмы, драконы да ты Крат просто притягиваешь чертовщину? – он хотел вызвать барона на разговор, дабы хозяин по обычаю гостеприимства развлёк гостя.

Крат запихнул пальцами в рот кислую капусту, и, роняя красную клюкву на стол, тыкнул пальцем в направлении духовника Клариссы, чтобы тот разъяснил Луру суть вопроса.

– Дракон – это местный водоворот. Ни один корабль не может причалить к нашему берегу, чтобы не сесть на мель или не разбиться о подводные рифы, а если и это его не добьет, то это сделает Дракон, затянет его в свою глотку. Кто заплывает к горам посреди моря, никогда уже не возвращается, – пояснил тот высоким дребезжащим голосом.

– Что тому причиной? – удивился Лур, он отложил нож и приготовился насытить ум, быстро насытившись пищей.

– Все ведьмы, чертово племя, – выругался барон, не желая объясняться, и шумно отхлебнул из огромного кубка.

– Мой муж хотел сказать, – решив взять на себя труд, встряла баронесса. Она низко наклонилась над столом, чтобы показать свои чахлые груди, похожие на побитые градом лопухи, – что рифы и прежде были и опасны, и остры для тех, кто не знал дороги, но теперь, после казни колдуньи, удивительное совпадение, не правда ли, Гата? – обратилась она неожиданно к девушке.

Гата не отреагировала, она немигающе посмотрела на Клариссу, уловки этой предсказуемой женщины не могли застать ее врасплох.

Жена барона несколько разочаровано продолжила:

– Теперь после казни колдуньи никто не возвращается живым, будто место заколдованно. Когда собирается гроза, тучи над горами принимают облик дракона с раскрытыми крыльями, а гром напоминает драконий рев, молнии – пламя из пасти зверя, и поскольку водоворот регулярно собирает жертвенную жатву, мы называем водоворот Драконом.

Лур удивило, что Кларисса недвусмысленно обвиняет присутствующую даму, члена семьи, поэтому он решил перевести разговор в другое русло. Обострять семейные проблемы не входило в его планы, ему были не интересны мелкие семейные дрязги. Он поел и хотел насладиться жаром камина, мягким стулом, приятным чувством насыщения и интересной беседой.

– Мне нянька предсказывала смерть от дракона. Я ей сказал, хорошо, что они все мертвы, – добродушно рассмеялся он.

– А вы не отличаетесь доблестью, – едко заметила Гата, подняв на него глаза, но совершенно не видя его.

Лур посмотрел на девушку с медными волосами, на повязку на ее глазу, к которой был прикреплен голубой камень, он отметил ее невидящей взгляд, словно она смотрела мимо него. Девушка была бледной, молчаливой и злой. Ненависть он сразу уловил на ее неподвижном лице и в тихом голосе с плохо спрятанной издёвкой.

– Простите, герцог, она у нас не воспитана, ее мать повешена как ведьма, но ее эта зараза не затронула. Она почти безобидна, если не считать яда, капающего у нее с языка, – сказала баронесса и зашлась в безостановочном кашле. Ее щеки разгорелись красными маками, они лихорадочно расцветали и гасли. Отпив из стакана воды, Кларисса захлебнулась и долго-долго не могла отдышаться.

Барон, равнодушно и даже с неприязнью глядя на ее мучения, сказал Луру:

– Вы не обращайте внимания на леди Гаторию, она скоро исправится, вот выдадим ее замуж, муж-то ее и приструнит.

Гата, сверкнув единственным глазом, с холодной ненавистью посмотрела на барона и тихо, но отчетливо проговорила:

– Вы так ловко управляете моими землями, что боюсь вам, будет трудно со мной расстаться.

Барон шарахнул кулаком по столу, опрокинув миску с бобами. Они валко покатились по столу, и жидкость, извиваясь, потекла под стол. Сделав это, он успокоился, но прежде чем продолжить поглощать пищу, обратился к Гате:

– Не смотри на меня так злобно, змееныш, я и тебе выдерну жало, если потребуется, – в бешенстве он перевел глаза на свинью, запеченную с яблоком во рту, вывернув ей ногу, а лебедю – крыло, барон принялся яростно жевать.

Лур, приподняв свои широкие темные брови, решил все же ответить девушке. Гата после взрыва барона опустила глаза, но не опустила напряженных плеч.

– Миледи, вам уже лучше? – спросил сначала Лур Клариссу, остановившую кашель и теперь бледневшую неестественным цветом лица. Когда она кивнула с достоинством и признательностью, молодой человек повернулся к девушке.

– Если позволите леди Гата, я отличаюсь здравомыслием, это несколько важнее отчаянной бесбашенности. Если бы драконы существовали, я бы попытал счастья только разве ради прекрасной дамы. Я не стремлюсь навстречу смерти, но если встречу – не побегу от нее.

При словах молодого рыцаря девушка вздрогнула, забыв о его существовании и о своей нелестной ремарке.

– Неплохой девиз? – хмыкнул барон. – Что до меня, – произнес он, старательно проглатывая бифштекс из кабана с кровью, то я думаю, зачем искать смерть, когда она сама тебя найдет. Нужно ли ей облегчать жизнь? Ха-ха! Жизнь смерти, какой каламбур!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.